

«Интеллигенция — общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, творческим трудом. Термин «И.» введен русским писателем П.Д. Боборыкиным и из русского перешел в другие языки».

Большой энциклопедический словарь. — М.-СПб. 1997. С.452.

Понятие «И.» в разговорной русской речи чаще всего имеет средний род — «оно».

Из лекций по филологии.

«Али оно с удочкой сидит и рыбку ловит, али оно лежит вверх пупом и книжку читает, али промеж мужиков топчется и разные слова говорит, а которое голодное, то в писаря нанимается».

А.П. Чехов ПСС. — Т. 6, 194.С. 255).

«Писатель обладал искусством создавать большие обобщения на материале мелочей жизни, искусством непревзойденной тонкости, лаконичности и краткости, которое было результатом огромного труда, строгого отбора каждого слова. «Краткость — сестра таланта», — утверждал Чехов».

Н.И.ГИТОВИЧ, Летопись творчества и жизни А.П. Чехова. — М.: 1955г.

Вон дерево засохло, но оно вместе с другими качается от ветра. Так кажется и я, если и умру, то буду вместе с другими участвовать в этой жизни так или иначе.

А.П.Чехов, «Три сестры»

Режиссер Ежи ВЕЛЬТЕР

Полонез для баяна

«Скрипка Ротшильда» Антона Чехова в театре «Студюо Чичковы» (Польша)

□□□Нет на нынешнем фестивале грузин□ зато есть поляки□ что в некотором роде одно и то же в смысле врожденной артистичности и человеческой благорасположенности□ они готовы полюбить вас□ а вы — их□ За стол с живыми свечами□ дымящийся чай в стаканах□ за звуки аккордеона□ барабана и флейты□ за лица актрис (и мадонна□ и городская девочка конца XX века в одном лице) и гибкую пластику длинноногих и длинноруких актеров□ за шипящие звуки польской речи□ за атмосферу тепла и комфорта в зале□ Но стаканы не успели согреть руки□ а кто-то уже заметил□ что стол напоминает поминальный□

Что делать□ Чехов написал поминальную историю□ У гробовщика Якова Иванова умирает жена Марфа□ а затем и он сам□ Есть еще Ротшильд из еврейского оркестра□ даже самое веселое умудряющийся играть как грустное□ Живой Иванов Ротшильда ненавидит□ а

умирая□ завещает ему свою скрипку□

В польском спектакле нет скрипки□ Яков играет на аккордеоне□ Нет сильных страстей□ полутона□ Нет больших актеров□ все молоды и неопытны□ хотя обезоруживающе обаятельны□ С точки зрения профессии я видел «Скрипку Ротшильда» на голову выше□ в Воронежском ТЮЗе□ у режиссера Михаила Бычкова□ Там все было стилизовано под Шагала□ озвучено Стравинским□ придавлено жесткой режиссурой и еврейским вопросом□ А польский спектакль режиссера Ежи Вельтера легко начался и внезапно оборвался□ не перегрузив концепциями□ но запомнившись□ как запоминается сама Польша□ даже если видел ее только из окна вагона□ проезжая в какую-нибудь Германию□ Бедная□ но гордая Польша□ с которой мы обречены любить и ненавидеть друг друга□ Больше все же хочется любить□

В.С.

Накануне я перечитал чеховский рассказ — дабы быть в курсе интерпретационного маневра польских студийцев. Но спектакль продемонстрировал полное — рабское копирование первоисточника. Единственной новацией оказался аккордеон — который заменил скрипку. Так нам — вымуштрованным братьями Заволокиными — адаптировали проблемы местечковой жизни начала века. Но это детали.

Сегодня на фестивале снова сражались с литературой. И бои идут с переменным успехом. Большое количество слов — которое нужно было победить — висело облаком непроявленного смысла. Но — и в этом весь фокус — поляки играли на своем языке — похожем на музыку — записанную на магнитофонную ленту и пущенную в обратном порядке. Это и вызывало необходимую степень отстраненности от материала. И — как выяснилось — пошло спектаклю на пользу.

Демонического вида Рассказчик — на долю которого пришла львиная доля произносимых в спектакле букв — так и оказался для большинства этойкой черной дырой — проборматывающей нечто совершенно абстрактное и

отвлеченное.

Лишенная я смысла заумь в духе кубофутуристов или какого-нибудь Беккета или Ионески. Рассказчик блуждал по сценической площадке — как темная подкладка подсознания сразу всех персонажей — надколлективный разум — производящего и уже произошедшего. Его — собственно говоря — и можно было бы назвать господином Литературой. Да.

Все прочее было точно и аккуратно. Визуальные метафоры ровно распределили по общему тексту спектакля. Они не загромождали друг дружку — но — подсвечивали. И — что приятно — все это не отвлекало от основной идеи — но именно что работало на строгое и поэтапное раскрывание

именно что чеховского смысла. Экономное распределение «жестов» делало происходящее спокойным — просчитанным — отстраненным. Тот случай — когда исполнение было выполнено в полном соответствии с поданной заявкой. Если судить авторов по законам ими над собой принятыми — можно сказать — что мы видели стопроцентное попадание в десятку. Другое дело — та ли это десяточка.

Дмитрий **БАВИЛЬСКИЙ**,
«Культура»

Страна слов

Не знаю — насколько спектакль этот актуален по своей эстетике. Кажется — он весьма и весьма староват — напоминающая о бедном театре 60-х. Таганке и прочей шестидесятилетически-демократической стилистике. Главное — просторное решение (весьма

удачное) — посадить зрителей друг напротив друга за длинные столы — напоминало одновременно и о свадьбе и о похоронах — двух основах мироздания «Скрипки Ротшильда» — между которыми и было натянута белая быта — в которое нас погрузили с помощью рассказа Чехова.

Все это укрепило меня в мысли — что доминантами данного феста являются евреи и литература. Борхес говорил — что евреи — единственный народ — додумавшийся объявить свод своих фольклорных текстов Священными для всех остальных Книгами. Мы говорим «литература» — но подразумеваем «евреи» — мы говорим «евреи» — и нас тут же сносит на разговор о изящной словесности.

В этом смысле — спектакль Ежи Вельтера староват в своей проблематике еще больше — чем кажется. В его основе старая как мир история о бессмертном народе — путешествуящем во времени с помощью красивого и единственно точного сочетания слов и мыслей. Эту песню не задушишь и не убьешь — потому что коллективное сознательное иудео-христианской ци-

визации — все оттуда. И какая разница — что в спектакле «Студии Чичковы» не пишут — но поют. Евреям — евреево — нам же — славянам — свойственен несколько иной способ самовыражения — устный. Мы страна — не книг — но слов. Летучих и нестойких. Как пар над водой. Как майский ветер — который — наконец-то — принес в город тепло. Как мелодия на представлении польского коллектива.

Ветхозаветные — по смыслу и темпераменту вечные страсти — мужчина и женщина — общество и свобода — свобода и рок (в смысле — судьбы) — жизнь и не-жизнь — смерть. Что по-польски звучит точно также — как и по-русски. И потому — быть может — не требует бытовых театральных ухищрений и придумок.

Если кто не понял смысла мной написанного — объясняю — я не ругаюсь — некоторое отставание — всяческое эстетическое ретро иногда идет театру на пользу. Да и в антисемитствах всяческих я — вроде бы — не замечен. Поручкой тому — кровь моей бабушки — время от времени заставляющая подпевать меня — если я слышу «Тум балалайку». Кстати — никогда бы не подумал — что балалайка тоже не исконно-посконное русское изобретение.

Федор **ГУНДОС**,
«Команда»

